КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
ART 13242 УДК 808:398.324
Ткачук Л. А. «В дрёме чудится, во снах видится»: почему лес называют дремучим // Концепт. – 2013. – № 12 (декабрь). – ART 13242. – 0,2 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2013/13242.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

Ткачук Лилия Александровна,
выпускница факультета журналистики ФГБОУ ВПО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», г. Москва
liliya.tk@rambler.ru

«В дрёме чудится, во снах видится»: почему лес называют дремучим

Аннотация. *В статье рассматривается одно из возможных значений устойчивого словосочетания «дремучий лес», раскрывающееся через однокоренное слово «дрёма». В качестве фактического материала, подтверждающего не только лингвистическую, но и историческую связь «дремучего леса» и «дрёмы», приводятся выдержки из работы В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки», где автор подробно рассматривает отражение в фольклоре обряда инициации и его специфику.*
Ключевые слова: *дремучий лес, дрёма, обряд, инициация, волшебная сказка.*

Словосочетание «дремучий лес» давно стало привычным для нашего восприятия. Называя лес дремучим, обычно имеют в виду его непроходимость, дикость, недоступность. Владимир Яковлевич Пропп в своей работе «Исторические корни волшебной сказки» четко обозначил антиномию лесной чащи и освоенного человеком пространства как своеобразное противостояние структурированного (адаптированного для условий проживания) и хаотичного (неведомого, чуждого).

Эту базовую антиномию обозначил ещё Елеазар Моисеевич Мелетинский. В её основе лежит принципиально иное понимание пространства и времени, отличное от мировосприятия современного человека. В общем, космогоническом, смысле, речь идет о противопоставлении хаоса (то есть среды вне осознания и контроля человека) и космоса (освоенного пространства с четкой структурой). В рассматриваемом нами случае, это выражается в бинарной оппозиции «дом – лес».

Итак, нами будет предпринята попытка рассмотреть происхождение устойчивого словосочетания «дремучий лес».

Предположив, что слова «дремучий» и «дрема» являются однокоренными, обратимся к значению последнего. В одноименной словарной статье В. Даль дает объяснение дрёме как состоянию полусна, указывая на то, что в некоторых регионах это понятие также употребляется как синоним непроходимого места, мёртвого болота [1]. Это – дрёма лесная, дрёма болотная. Следующей в статье дается трактовка дремучего леса как непроходимой чащи, трущобы, векового недоступного леса.

Здесь же Даль приводит поговорку: «В дрёме чудится, во снах видится». Смысловая разница здесь очевидна: если видеть – это воспринимать объект с известной долей уверенности в его существовании, то глагол «чудиться» выражает определенную степень сомнения в реальности происходящего. Чудится – значит мерещится, кажется.

Соотнося в едином смысловом пространстве «дремучий лес» и «состояние дремы», мы получаем образ некоего леса, в котором «чудится, кажется, мерещится». Попробуем описать этот лес также при помощи ближайших по смыслу синонимов: лес полусна, забытья, забвения, дремоты [2].

Добавим к получившемуся образу то, как Владимир Пропп описывает «волшебный лес» (и его специфическое, всегда конкретное назначение) в своей работе: «Обряд инициации всегда совершается в глубине леса, в строгой тайне [3]. Лес никогда не описывается ближе. Он дремучий, темный, таинственный, несколько условный, не вполне правдоподобный».

Ткачук Л. А. «В дрёме чудится, во снах видится»: почему лес называют дремучим // Концепт. – 2013. – № 12 (декабрь). – ART 13242. – 0,2 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2013/13242.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

Особое назначение этого леса становится ясно из дальнейшего знакомства с работой Проппа. Это – место инициации, обряда посвящения юношества, непременный этап в жизни каждого, символизирующий собой «временную смерть», реалистичное переживание смерти прежнего человека и рождение его в новом качестве – воином, полноправным члена социума.

Инициации, как одному из социальных институтов прошлого (или «обряду перехода» по формулировке Геннепа), посвящено значительное количество трудов. Формулируя назначение обряда, мы можем отнести его к символическому взрослению подростка, его «второму рождению» в качестве взрослого. Обряд завершался своеобразной школой, «хитрой наукой», по результатам которой молодые воины получали и сакральные, и практические знаниями своей социальной группы (племени, рода и т. д.).

Следы этого обряда несут в себе сказки (и особенно – так называемые «мифологические сказки») многих культур. «Многие (сказочные) мотивы только через сопоставление с обрядами получают свое генетическое объяснение», - так Пропп комментирует эту взаимосвязь [4]. Возвращаясь к нашей теме, проследим, как «дремучий лес» и потенциально связанный с ним обряд отражаются в сказках.

«Необходимо отметить, что обряд посвящения производится именно в лесу. Это – постоянная, непременная черта его по всему миру. Там, где нет леса, детей уводят хотя бы в кустарник» [5]. Пропп акцентирует внимание на том, что лес является непременным атрибутом «иного царства» (пребывание и возвращение из которого подразумевает обряд инициации), а дорога в подземный мир (другими словами – мир смерти, дислокация которого у каждого народа – специфична) лежит сквозь лес. Истоки этого явления Пропп видит ещё в античности, цитируя Рошера: «Большей частью входы в подземный мир были окружены непроницаемым девственным лесом. Этот лес был постоянным элементом в идеальном представлении о входе в Аид» [6].

Обратим внимание на тот факт, что непременным атрибутом пребывания в «волшебном» лесу и обряда посвящения в частности было состояние так называемого «временного безумия». Это состояние сознания в корне отлично от нашего будничного, повседневного способа мышления и восприятия. Неофит как бы пребывал в забытьи, или трансе, что вызывалось разными способами: особыми болевыми пытками (вплоть до отрубания конечностей либо выбивания зубов), инсценировки каннибалистических трапез с участием демонов и духов, также широко применялись одурманивающие средства. «Отшибить ум» было необходимо для того, чтобы посвящаемый в буквальном смысле забыл свое прошлое, пережил смерть и рождение в новом качестве.

Возникает резонный вопрос – дошли ли до нас сведения об обрядах «дремучего леса» в чистом, неискаженном виде? Увы, нет – единственное, что мы можем сейчас сделать – это восстанавливать специфические черты обряда перехода при помощи изучения произведений народного творчества соответствующего содержания. Что касается сказки, напомним, что она не является хроникой в чистом виде – но поразительная повторяемость и универсальность некоторых её элементов говорит нам о том, что они являются важным пластом общенародной памяти. Пропп предлагает следующую классификацию взаимосвязи обряда и сказки:

– прямое соответствие между обрядом и сказкой;
– переосмысление обряда сказкой;
– обращение обряда (то есть трактовка его в смысле, противоположном изначальному).

Современным исследователям русского фольклора чаще всего приходится иметь дело с источниками второго и третьего типа. Этот процесс забвения и инверсии

КОНЦЕПТ
научно-методический электронный журнал
ART 13242 УДК 808:398.324
Ткачук Л. А. «В дрёме чудится, во снах видится»: почему лес называют дремучим // Концепт. – 2013. – № 12 (декабрь). – ART 13242. – 0,2 п. л. – URL: http://e-koncept.ru/2013/13242.htm. – Гос. рег. Эл № ФС 77-49965. – ISSN 2304-120X.

вполне закономерен. «С появлением земледелия и земледельческой религии вся «лесная» религия превратилась в сплошную нечисть, великий маг – в злого колдуна, а хозяйка зверей – в злую ведьму» [7]. Иными словами, «некогда святое и страшное превратилось в полугероический, полукомический гротеск» [8]. Осознавая этот процесс, исследователь должен с особой тщательностью работать с материалом, содержащим в себе потенциально архаичный материал.

Выдвинем предположение о том, что родство векового непроходимого леса и состояния дрёмы, забытья, строится на некоей общенародной памяти, коллективном архетипе одного из обрядов жизненного цикла.

«Забвение корня в сознании народном отнимает у всех образовавшихся от него слов их естественную основу, лишает их почвы, а без этого память уже бессильна удержать всё обилие словозначений», – так Александр Николаевич Афанасьев описывает неизбежный процесс забвения изначального смысла слова, что приводит, в итоге, к известной доле автоматизма его употребления [9].

Одушевлять слова заново, противостоять потере изначальных смыслов – это та задача, с которой лингвистика и фольклористика могут справиться в своем живом и непосредственном взаимодействии.

Ссылки на источники

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. – СПб., 1863–1866.
2. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М., 1997.
3. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – М.: «Лабиринт», 2000.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же
7. Там же.
8. Там же.
9. Афанасьев А. Н. Древо жизни: избранные статьи. – М.: Современник, 1982. – 464 с.

Tkachuk Liliya,
graduate of the Department of Journalism M. V. Lomonosov's Moscow State University, Moscow
liliya.tk@rambler.ru

Why the forest is named primeval in fairy-tales

Abstract. The article is devoted to the possible meaning of the set expression "primeval (dremuchij) forest". It comes out with conjugate word "drowse" (drema). In his work "Historical background of the fairy tail" Vladimir Propp shows not only linguistic, but also historical correlation between «primeval forest» and "drowse" by the example of the initiation rite and its specificity.

Keywords: fairy tail, initiation rite, primeval forest, drowse.

ISSN 2304-120X
12
9 772304 120135

Рекомендовано к публикации:
Горевым П. М., кандидатом педагогических наук, главным редактором журнала «Концепт»
Утёмовым В. В., кандидатом педагогических наук